

З.А. Алигаджиева

Пережитки домонотеистических верований в похоронной обрядности у аварцев-андалальцев¹

Статья посвящена исследованию пережитков домонотеистических верований и обрядов у аварцев-андалальцев. Изучение так называемого «народного ислама», в котором причудливо переплелись в одну синкретическую религию остатки домонотеистических верований и мусульманские религиозные установления, представляет важный теоретический и практический интерес в плане воссоздания более полной картины духовной культуры этноса. Необходимость всестороннего изучения в наши дни того или иного этноса с учетом экологических, культурно-традиционных и этнокультурных факторов диктуется и объективными процессами: вымыванием, забвением отдельных элементов быта и духовной культуры под натиском процессов урбанизации, стандартизации и глобализации. Исследование традиционных религиозных верований, отражающих специфику духовной культуры отдельного этноса, в этой связи представляется актуальным и целесообразным, вытекающим из необходимости изучения закономерностей развития предшествовавших культурных форм в сравнении и во взаимосвязи с политическим и социально-экономическим состоянием современного общества.

Ключевые слова: аварцы; верования; обряды; ритуал; похороны.

Несмотря на более чем пятивековое исповедание аварцами-андалальцами ислама, а ранее и христианства, в их традиционном быту и культуре продолжали устойчиво сохраняться пережитки предшествовавших религиозных форм. Они органически вошли в идеологию и культуру практикуемого аварцами ислама, образовав синкретическую форму так называемого «бытового», или «народного» ислама.

Похоронные обряды наиболее консервативны из всех обрядов семейного цикла. У андалальцев похоронные обряды проводились в соответствии с мусульманскими религиозными установками. Поэтому основной задачей в связи с этим является выявление домонотеистического пласта.

По сведениям информаторов, наряду с реальными приметами, свидетельствующими о приближении смерти, широкое распространение в прошлом имели верования о том, что определенные сны предвещали близкую кончину

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00079.

человека. Например, верили, что если во сне увидеть выпавший коренной зуб, голого человека, сырое мясо, белый материал, разрушенный угол или развалившуюся крышу своего дома, то в семье будет покойник.

В селах Кулла, Салта: если при трапезе еда выпадала изо рта, это считалось предвестием смерти. Для предотвращения зловещего знамения выпавшую еду кидали через левое плечо со словами: «Тушман хвайги!» («Пусть враг умрет!»)².

Нельзя было перешагивать через ноги лежащего человека — жизнь будет короткая. Если даже перешагнули, надо было три раза перешагнуть в обратную сторону (села Шангода, Чох). В селении Согратль существовала примета, что если мужчина пройдет между двух рядом стоящих женщин, то жизнь у него будет короткой (ПМА 1: тетр. 1, 2). В селении Шулани: если со скалы упадет камень — кто-то умрет (ПМА 2: Магомедова)³.

Имелись у андалальцев и свои представления о легкой и тяжелой смерти. Хорошей считалась смерть, когда человек не мучался, не находился долго в постели, не причинял неудобства близким, не был в тягость. И как это нередко бывало, тяжелая и легкая смерть ставились в прямую зависимость от качеств человека: грешника настигала трудная смерть, и, наоборот, благочестивый человек умирал легко и быстро.

Существовало также поверье, что умирающий скорее умрет, если родители его выйдут из комнаты. К умирающему ребенку, чтобы облегчить его страдания, подносили что-нибудь из его одежды.

Сразу же после смерти родные и близкие откладывали все дела и находились в доме покойного в течение всех похорон и поминок. В дом покойного на процедуру соболезнования приходили все односельчане, жители соседних сел. Один из родственников назначал молодых мужчин, пришедших на соболезнование, на рытье могилы.

В комнате, где лежал покойный, завешивали зеркало, зажигали светильник. Свет в комнате горел три дня и три ночи, то есть все то время, пока душа умершего, как считалось, находилась в доме.

Вскоре после смерти покойника обмывали, причем умершего мужчину обмывали только мужчины, а женщину — женщины. Женщины-обмывальщицы должны были быть «чистыми», поэтому это дело поручалось пожилым женщинам. Использованную воду выливали в укромное место, следя, чтобы она не попала на кожу человека. Для нанесения вреда эту воду давали пить своим недругам (села Чох, Ругуджа и др.: ПМА 1: тетр. 1, 2).

Существовало поверье, что если мыло, которым мыли покойника, дать в руки злобному, скандальному мужу, то он переменится в лучшую сторону

² Полевые материалы экспедиции автора в села Кулла, Салта, Шангода, Чох, Ругуджа, Шулани, Куяда, Салта, Кудали Гунибского района Республики Дагестан, май 2012 (тетради 1, 2). Далее — ПМА 1.

³ ПМА 2 — Полевые материалы экспедиции автора в Гунибский район Республики Дагестан, август 2012 года (информанты: А.А. Магомедова, 1952 г. р.; З.Р. Махмудова, 1944 г. р.; У.К. Магомедханова, 1939 г. р.).

(село Ругуджа). В селе Кулаб иголкой, которой зашивали саван покойного, прокалывали одежду ребенка, чтобы его не сглазили; иголку с оставшейся ниткой тайно бросали в стакан с алкогольным напитком и давали пить «пьющему», чтобы тот перестал пить (село Чох); оставшуюся нитку на иголке завязывали на руке ребенка, чтобы его не сглазили (село Шангода); такую иголку носили при себе мужчины, чтобы им во всем везло (село Хиндах) (ПМА 1: тетр. 1, 2).

Одежду, которая была на покойнике, стирали и хоронили, читая при этом молитвы (село Куяда); жгли (село Согратль); стирали и раздавали сиротам (село Шангода); одежду покойного отдавали человеку, которого при жизни ценил покойный (село Ругуджа) (ПМА 1: тетр. 1, 2).

После обмывания умершего заворачивали в саван (мусру) в несколько — от трех до девяти — слоев. Для савана обычно использовали бязь или даже ткань из волокон конопли.

У некоторых андалальцев (села Обох, Куяда) умерших юношу или девушку обряжали в нарядную одежду и украшения, что противоречит нормам ислама. Г.Ф. Чурсин писал об аварцах: «Если умирает невеста, недавно вышедшая замуж, ее хоронят в нарядной свадебной одежде со всеми украшениями, с какими она пришла в дом мужа...» [5: с. 33].

Тело следовало как можно скорее предать земле. Поспешность захоронения покойного объяснялась тем, что, по верованиям дагестанцев, земля якобы «плачет» по умершему человеку, а мертвый требует захоронить его в землю [2: с. 59].

Боязнь души или духа умершего, способного, в представлениях андалальцев, нанести вред живым или унести их души с собой, принято было объяснять также отношение живых к умершему, вообще ко всему мертвому. Особенно андалальцы опасались покойников, которые отличались при жизни алчностью и злостью, так как существовало убеждение, что душа такого человека непременно заберет души нескольких оставшихся родственников и соседей. Широко распространенным поверьем не только у андалальцев, но и у многих народов Кавказа было убеждение, что увидеть во сне умершего — дурная примета, означающая, что в семье кто-то должен умереть. Плохой приметой, особенно опасной для больных, считалось встретить похоронную процессию.

Не исключено, что некоторые обряды этого цикла были направлены против самой смерти, а не против покойного. Так, умершего обязательно выносили из дома и несли до кладбища вперед головой, чтобы «он не мог найти дорогу обратно», в противном случае в доме мог появиться новый покойник. Вслед покойнику в момент его выноса кидали камни, чтобы дух не потянул за собой еще одного члена семьи. Если женщине, несшей в кувшине воду, встречалась похоронная процессия, она выливали ее, считая оскверненной, непригодной к употреблению. Здесь следует указать на возможное влияние зороастрийской религии, где мертвое тело считалось оскверняющим все, ибо его нечистота является «делом демона», который в нем пребывает, и оттуда переходит в тех, кто к нему прикоснется.

Живучесть таких архаических представлений подтверждается материалом этнографов, свидетельствующих о том, что вплоть до Октябрьской революции в некоторых селениях Дагестана — Местерух, Мачада (авар.), Гигатли (чам.) больных людей переносили через горную речку на противоположную от селения сторону и оставляли там навсегда. К ним не подходили, а еду перебрасывали с другой стороны реки [3: с. 45].

С домотеистическими верованиями связаны и различные виды оплакивания умершего («магIу гъаби») — один из развитых институтов похоронной обрядности, бытовавший в Андалале в исследуемое время. Шариат запрещает оплакивание умершего, предписывая родственникам терпеливо переносить горе, ибо терпение считается высшей добродетелью ислама. Тем не менее неудобная мусульманским догматам традиция оплакивания в погребальном культе андалальцев была очень крепка. Оплакивали покойника женщины, которые в плачах восхваляли достоинства умершего и сожалели о том, что он так рано ушел из жизни.

Причитания и оплакивания нередко сопровождалась самоистязаниями. «Причитания горцев Дагестана, взятые в общем плане, — пишет З.З. Гаджиева, — вписываются в пласт фольклора многих народов единством вызвавшей их тематики — смертью человека, последней инстанцией проявления трагичности бытия. Дагестанские, в частности, аварские причитания и плачи близки к плачам многих народов тем, что они создаются в стихотворной форме, экспромтом» [4: с. 10]. Считалось большим позором, если покойный оставался не оплаканным. Близкие родственники покойного выбегали вслед выносившим тело с плачем, производя движения, которыми как бы хотели вернуть его в дом.

В некоторых селениях существовал обычай отрезания кос ближайшим родственницам. С.Ш. Гаджиева пишет по этому поводу следующее: «У аварцев-гигатлинцев жена, сестра, иногда и мать в этом случае целиком брили головы. Почти полностью состригали волосы жена, сестра и дочь и у аварцев села Кегер общества Андалал. Обряд снятия с головы волос здесь происходил на третий или четвертый день после похорон умершего, во время церемонии надевания черной траурной одежды и после раздачи односельчанам поминальной пищи. Как правило, стригли друг друга сами женщины, оставляя волосы лишь надо лбом. В селе Чох того же общества Андалал отрезала одну-две косы только вдова. В другом аварском обществе, Тлях, обряд бритья головы не распространялся на вдову, так как жену здесь рассматривали как “чужеродку”» [4: с. 295]. Хоронили умерших на общесельском кладбище, где были тухумные ряды. Если хоронили кого-либо из супругов, то рядом оставляли место для другого — «чтобы и на том свете вместе были». Чтобы обозначить границы могилы, также использовали почитаемые андалальцами белые камни, якобы наделенные магическими свойствами. В селах Ругуджа и Чох, начиная с каменной стелы, по гребню могильного холмика выкладывали каменную дорожку, вероятно, символизирующую прямую дорогу в рай.

Аналогично поступали и аварцы села Гочоб нынешнего Чародинского района (ПМА 3: Османова)⁴.

В селе Куяда после выноса покойника у порога ставили котел и жгли воск, так чтобы дым заходил в дом. Этот обряд назывался «мах бахизе» (создать запах). В этих же целях жарили курдюк (село Салта); на масле жарили толокно и дымом окуривали все комнаты дома (село Кегер). Первопричиной этого обычая была боязнь вредных духов, стремление обмануть их, дабы они не могли переместиться в окружающих, к чему добавлялось умилоствление духов предков, «находящихся» на пороге жилища (ПМА 1: тетр. 1, 2).

Поминки и раздача «садакья» могли проводиться в различные сроки. Это мог быть и следующий после похорон день, и третий, и первые семь дней. Кроме того, поминки устраивались на 40-й и на 52-й день — «в этот день у покойного мясо отделяется от костей, и поминки делают этот процесс менее болезненным для умершего». Местные доисламские элементы отразились в символике надмогильных памятников. В ряде селений (Чох, Куяда, Ругуджа и др.) нами были зафиксированы антропоморфные надмогильные памятники, эпиграфически относящиеся к XV–XX векам. Антропоморфность проявляется в подчеркнутом выделении в надмогильных памятниках физических признаков человека — «головы», «плеч», «рук». Известно, что ислам не поощряет изображения живого, но местная традиция оказалась сильнее (ПМА 1: тетр. 1, 2).

По мнению Г.Ф. Чурсина, устройство поминок или поминального пира должно было обеспечить умершего изрядными запасами пищи в загробном мире. Без поминок покойник был обречен на голод и лишения. Поэтому важно устроить подобающие поминки умершему [6: с. 167]. Возможно, это и умилоствительная жертва, чтобы добиться снисходительного отношения к покойному на том свете, рудимент языческих жертвоприношений. Так или иначе, необходимость жертвоприношения способствовала тому, что пожилые люди, не имевшие наследников или близких родственников, делали завещание по поводу устройства поминок. А не редко человек сам, еще при жизни, устраивал себе поминки, но делал это не лично, а поручал кому-либо, удаляясь при этом из села (что символически означало его уход в мир иной).

Весь комплекс обрядов похоронно-поминального цикла исследователи относят к отголоскам культа умерших и предков, то есть ранней форме религии. Культ предков связан с анимистическими представлениями о том, что после физической смерти человека его духовная субстанция (душа, дух) продолжает свое существование в загробном мире, откуда может оказывать влияние на жизнь и деятельность своих живых сородичей и потомков. Для того чтобы это воздействие было позитивным, живые должны были проявлять

⁴ ПМА 3 — Полевые материалы экспедиции автора в Чародинский район Республики Дагестан, июнь 2013 г. (информанты: А.П. Османова, 1938 г.р.; Х.Р. Магомедова, 1941 г.р.; С.К. Касумова, 1956 г.р.).

уважение к памяти предков и заботу об их духах, «кормить» их и т. д. В противном случае им следовало ожидать всяческих неприятностей от рассерженных голодных духов предков.

Необходимо отметить, что в культе предков мыслилась двусторонняя связь между живыми и мертвыми, которая заключалась в том, что живые в ответ на свои ритуальные действия ожидали получения помощи от мертвых предков в своих делах.

Таким образом, изложенный материал свидетельствует об устойчивости отдельных традиционных древних религиозных представлений андалальцев, проявлявшихся на фоне доминирующих в основном исламских похоронных обрядов [1: с. 96].

Литература

1. *Алигаджиева З.А.* Пережитки домонотеистических верований и обрядов у аварцев-андалальцев в XIX – начале XX в. 2-е изд. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2012. 170 с.
2. *Булатов А.О.* Пережитки домонотеистических верований народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990. 266 с.
3. *Гаджиев Г.А.* Пережитки древних представлений в похоронно-погребальных обрядах лезгин // Семейный быт народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1980. С. 29–46.
4. *Гаджиева З.З.* Аварская элегическая лирика. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН им. Г. Цадасы, 1997. 189 с.
5. *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1985. 360 с.
6. *Чурсин Г.Ф.* Авары: Этнографический очерк. 1928 г. / Науч. ред. Р.И. Сефербеков. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1995. 92 с.
7. *Чурсин Г.Ф.* Очерки по этнологии. Кавказа. Тифлис: типография К.П. Козловского, 1913. 189 с.

References

1. *Aligadzhieva Z.A.* Perezhitki domonoteisticheskix verovanij i obryadov u avarcev-andalal'cev v XIX – nachale XX v. 2-e izd. Maxachkala: IAE' DNCz RAN, 2012. 170 s.
2. *Bulatov A.O.* Perezhitki domonoteisticheskix verovanij narodov Dagestana v XIX – nachale XX v. Maxachkala: Dagkniгоizdat, 1990. 266 s.
3. *Gadzhiev G.A.* Perezhitki drevnix predstavlenij v poxoronno-pogrebal'ny'x obryadax lezgin // Semejny'j by't narodov Dagestana v XIX–XX vv. Maxachkala: IAE' DNCz RAN, 1980. S. 29–46.
4. *Gadzhieva Z.Z.* Avarskaya e'legicheskaya lirika. Maxachkala: IYaLI DNCz RAN im. G. Czadasy', 1997. 189 s.
5. *Gadzhieva S.Sh.* Sem'ya i brak u narodov Dagestana v XIX – nachale XX v. M.: Nauka, 1985. 360 s.
6. *Chursin G.F.* Avary': E'tnograficheskij ocherk. 1928 g. / Nauch. red. R.I. Seferbekov. Maxachkala: IAE' DNCz RAN, 1995. 92 s.
7. *Chursin G.F.* Oчерki po e'tnologii. Kavkaza. Tiflis: tipografiya K.P. Kozlovskogo, 1913. 189 s.

Z.A. Aligadzhieva

The Remnants of Pre-monotheistic Beliefs in Funeral Rites at Avars-andalaltss

The article is devoted to the study of remnants of pre-monotheistic beliefs and practices at Avars-andalaltss. The study of the so-called "folk Islam", in which intricately intertwined in one syncretic religion the remains of pre-monotheistic beliefs and Muslim religious institutions presents a great theoretical and practical interest in terms of recreating more complete picture of the spiritual culture of the ethnic group. The need to fully explore in our days of one or another ethnic group with regard to ecological, cultural, traditional and ethno-cultural factors is dictated also by objective processes: washing away, by neglecting some elements of the life and spiritual culture under the pressure of processes of urbanization, standardization and globalization. The study of traditional religious beliefs, reflecting the specific character of spiritual culture of individual ethnic group, in this context seems to be topical and expedient, arising from the necessity of studying regularities of development of previous cultural forms in comparison and in relation to the political and socio-economic condition of modern society.

Keywords: Avars; beliefs; rites; ritual; funerals.